

АЛЕКСАНДРА БАЖЕНОВА

ПОИСК ЕДИНСТВА СЛАВЯН, ЕДИНСТВА РУССКИХ КОРНЕЙ

К 80-летию со дня рождения О. Н. Трубачева

Лингвистическая наука нам, писателям, гораздо ближе, чем кажется. Это постоянно доказывал своими трудами выдающийся русский ученый академик-славист Олег Николаевич Трубачев (1930–2002), которому в 2010-м исполнилось бы 80 лет. Такого ученого – филолога, лингвиста, языковеда, специалиста по этимологии, этногенезу, ономастике, лингвистической географии славянских языков не знала еще русская земля. Если он вел международную конференцию в Праге – то на чешском, в Варшаве – на польском, в Белграде – на сербском, в Киеве – на украинском и т. д. Все 15 славянских языков, которые для нас, будучи весьма привлекательными, являются все же во многом загадкой, – для него оказывались интереснейшим материалом, с ним он работал с наслаждением и большой профессиональной ответственностью. Кроме того, он знал немецкий, английский, эстонский, финский, древнегреческий, латынь и проч. В результате получилось около 30 прижизненных томов “Этимологического словаря славянских языков. Праславянский лексический фонд” (издание продолжается) под его редакцией, за что он был удостоен золотой медали им. В. И. Даля (Россия) и золотой медали им. П. И. Шафарика (Словакия).

О. Н. Трубачев был выдающимся русским филологом-славистом мирового уровня, непререкаемым авторитетом, специалистом в области славянской этимологии, этнической истории (этногенеза) славян. И здесь некого поставить рядом с ним. Он был председателем Национального комитета славистов России, заведовал отделом этимологии и ономастики в Институте русского языка им. В. В. Виноградова Российской академии наук, был главным редактором журнала “Вопросы языкознания”, членом-корреспондентом нескольких европейских академий наук, автором более 400 публикаций на разных языках, в том числе восьми монографий.

Самая заветная мысль владела О. Н. Трубачевым, когда он создавал разнообразнейшие свои труды, и, особенно, книгу “В поисках единства”, – поиск доказательств **единства** славян (“О единстве всех славян, дорогое нашему сердцу, мы еще скажем...”). В этой книге он с горечью писал: “В наше время, столь характерное острыми дефицитами, **дефицит единства**, возможно,

один из самых острых”. Все три выпуска книги “В поисках единства” состоят в основном из выступлений академика на праздниках славянской письменности и культуры в Новгороде, Киеве, Минске, Смоленске, Симферополе, Ялте, Москве, Рязани и других городах. В предисловии он специально отмечал: “... Нанизывались факты ближние и дальние, объединенные радующим меня чувством, что у меня есть что сказать нового по каждому из этих фактов языка и истории славянского племени... Было ясно — уже с первых шагов, что я буду говорить о **единстве**, важном для всех нас, единстве, угрожаемом и перевергаемом и подчас задрапированном в ученую пелену, плохо проницаемую для глаза. Мне действительно очень хотелось при этом показать внутреннюю связь вещей, сложных в научном отношении и нередко отдаленных от сего дня немалым временем, и того, что может представлять и сейчас повседневный интерес... То единство, которое мы имеем в виду, разумеется, не допускает простодушного понимания... Единство в сложности, единство более высокого порядка, которое не может быть мертвым единством монолита, но только единством живого целого, состоящего из множества частей... Это единство сейчас приходится доказывать...”.

Доказательными в этом смысле являются все статьи книги, полные новизны материала и смелых идей. Например, Олег Николаевич, имея в виду споры о времени появления Руси, обращал внимание на “путаницу” в упоминаниях Руси в европейских и мировых письменных источниках. Пример: некий русский князь привел свои войска к стенам столицы Византии... когда Киев еще не образовался. Противоречие?! — Да!.. Если говорить о Киевской Руси. Олег Николаевич в своей книге впервые говорил, что фактически в I тысячелетии н. э. было **три Руси**. Русь Киевская, Русь Новгородская (словене) и Русь Таврическая. Тавро-русы, Азово-Черноморская Русь, Киммерийский Боспор скифов, “Корсунская Русь”, амазонки южного Дона, меоты — по Трубачеву, конгломерат индоариев, “первоначально неиранская Таврика, подвергшаяся иранизации [аланизации] лишь вторично”... Точно так же, вторично, на глазах истории, было иранизировано [сарматизировано] Восточное Приазовье”, — писал Трубачев в главе “К истокам Руси”. Весь этот конгломерат племен впоследствии русифицировался и стал прозываться “Русью”. Хотя какая-то часть племен изначальной архаической Руси входила в конгломерат и тогда, но тогда этноним “Русь” был неустойчив, русских иностранцы могли называть и тавро-русами, и тавро-скифами, и скифами, и роксоланами (русскими аланами), и русией.

В доказательство существования трех частей Руси, извне воспринимавшихся как разные страны, Трубачев приводил предания средневековых арабских географов о трех племенах Руси: Куйаба (Киев), Слава (Славия), Артаня (Арта, Арсания, Арса), где явно проглядываются наши: Киев, Словенск (первоначальный город, на месте которого появился Новгород — новый город), южная индоарийская Русь (на санскрите “рта”, “рита”, а по-древнерусски “ротá”; так же и в европейских языках, откуда известно всем “ратификация” — утверждение-подтверждение договорности, договора), по-авестийски “арта” — закон, порядок, гармония; от этого корня в русском языке осталось слово “артачиться” — то есть противиться принятому справедливому порядку, поступать своевольно, по-своему. Олег Николаевич писал: “Наш острый интерес вызывает упомянутая проблема ранних датировок имени Русь. Дело в том, что его датировка имеет неуклонную тенденцию к удревнению именно на юге”. Поэтому неудивительно, что историки Киевской Руси недоумевали: откуда иностранные упоминания Руси в те времена, когда Киева еще не было? Упоминалась в начале I тысячелетия Русь Азово-Черноморская.

Третье издание (“Наука”, 2005) отличается от двух первых. В него включены две новые главы: “Из истории языка древней и новой Руси”, “Славяне и Европа”. В последней статье Олег Николаевич с выстраданной болью писал: “... Постоянно я имею дело с многочисленной тенденцией — вытолкнуть славян из Европы”. В своих трудах Трубачев подспудно вынашивал идею поиска единых корней славянских — того золотого времени, когда роды наших пращуров были вместе, жили бок о бок друг с другом. Наличие единого самоназвания лучше самых изощренных текстов говорит о существовании единого этнического самосознания. Ничего подобного нет ни у древних германцев, ни у древних балтов. В книге “Этногенез и культура древних славян” (как и в дру-

гих) главное, что волновало академика: КОГДА возникла славяно-русская или праславянская этнокультурная и языковая общность? И – ГДЕ она возникла?

В этой области за века накопилось немало работ и гипотез. О. Н. Трубачев, углубляясь в лингвистические исследования, пришел к выводу: хотя понятие “славяне” (“склавины”) употреблялось с VI века, – этническая праславянская общность возникла намного раньше. Ни археология, ни письменность, ни свидетельства древних историков не дают столько возможностей для выявления древности народа, как реконструкция праславянского языка и древних языковых связей. Реконструируя и сопоставляя языковые ареалы древних балто-днепровских и причерноморских народов, О. Н. Трубачев в предположении времени возникновения праславянского языка доходил до III тысячелетия до н. э. (и это не предел, наука движется и будет двигаться дальше). А о прародине славян писал: “Отсутствие памяти о приходе славян может служить одним из указаний на извечность обитания их и их предков в Центрально-Восточной Европе и широких пределах”. Вывод таков: **наши пращуры имели один из древнейших и богатейших языков и всегда жили на тех территориях, которые занимают ныне.**

Академик Трубачев разбил в прах не столь уж древнюю, но живучую норманнскую теорию. Оказывается, Новгородская Русь, куда были призваны русские варяги, потомки новгородского князя Гостомысла по материнской линии – Рюрик, Синеус и Трувор, – Русью стала называться примерно в VIII веке, до этого местные жители звались “словене”. Древнейшая Русь еще лежит под руинами раскопок и лишь слегка показывает из-под многих культурных слоев свои старые корни. Это Русь Азово-Причерноморская (Тамань – Тмутаракан – Киммерийский Боспор, то есть Керченский пролив), Крым. По Трубачеву, это земля “древнерусского единства”. Отсюда расселились на запад и север – в Киевскую, славянскую Русь, северную Русь, отсюда – сербы, хорваты, другие славяне. В VI веке Прокопий Кесарийский писал о бесчисленных племенах антов к северу от Меотского озера (Азовское побережье). Анты – прарусы, буквально “окраинные” европейцы. В III веке одна боспорская надпись упоминает некоего боспорянина: “Ант, сын Папия”. Это так называемая салтовская культура.

Двадцатилетние поиски О. Н. Трубачева помогли выявить индоевропейскую принадлежность языка синдо-меотов (“синды” это варианты этнонимов “инды”, “винды”, “венды”, “венеды”; а венеды – славяне. Меоты – географическая привязка: живущие на меотском, Азовском побережье) Боспорского царства и Восточного Приазовья, тавров Крыма, населения низовьев Днепра и Южного Буга. Но эта прародина, заселявшаяся прапредками русских, славян и арьев с V тысячелетия до н. э., в I–II тысячелетиях н. э. постоянно отчуждалась то иранскими, то греческими, то тюркскими народами, превращавшими в итоге военных разборок землю в пустыню, или в пустую степь. Уже в XII веке в “Слове о полку Игореве” она получила горькое прозвание “земля незнаема”, “поле незнаеме”.

О. Н. Трубачев выводит из неславянского (еще) ареала (русского) славянские этнонимы сербов и хорватов. Таким образом, по Трубачеву, получается: не русские, как традиционно принято считать, являются славянами (восточными), а славяне (во всяком случае, значительная часть) вышли из Приазовско-Причерноморско-Крымской Руси. Об этом сведения скудны, но пополняются языковыми реконструкциями, топонимикой, новейшими археологическими работками.

Академик Трубачев, хотя известен в Европе и за ее пределами, по достоинству еще не оценен современниками, особенно на родине своей, в России. Он один из тех людей, чьи идеи, исследования не устаревают, а, наоборот, поражают воображение своей смелостью и доказательной уверенностью: по мере доступа к ним пытливого народа их ценность будет расти – шириться и углубляться. Его труды неисчерпаемы зернами вложенных в них познаний. Вдова академика Галина Александровна Богатова говорит: “В поисках единства” – лучшее, что у нас есть из научно-популярных книг в области истории славян, этногенеза, истории русского языка”. Блестящие публицистические статьи О. Н. Трубачева дают нам новые представления о древнейшей истории славян, а значит, о нас самих. Статья академика О. Н. Трубачева “Русский – российский. История, динамика, идеология двух атрибутов нации” из книги “В поисках единства” как никогда актуальна именно сейчас.

РУССКИЙ — РОССИЙСКИЙ

ИСТОРИЯ, ДИНАМИКА, ИДЕОЛОГИЯ ДВУХ АТТРИБУТОВ НАЦИИ*

... Когда меня попросили выступить на эту тему, мне вспомнились прочитанные несколько лет назад в одном толстом журнале (помнится, это был “Новый мир”) посмертные записки одного литератора, вновь ставшего популярным после 1985 г. (помнится, это был Даниил Хармс). Там были, в частности, рассуждения, для меня, лингвиста, досужие и даже невежественные. Может быть, не стоило бы и вспоминать, но я все-таки позволю себе это. Суть рассуждений касалась популярного и сейчас вопроса о “странности” русских: “странным” тому литератору показалось то, что они именуются не существительным, как якобы нормально для других народов (*англичанин, немец, француз*), а — прилагательным: *русские*. Однако, имея он чуть больше знаний или просто внимания к небрежно затронутому им вопросу, то писатель, думаю, согласился бы, что дело обстоит иначе. Названия (самоназвания) наций, народов вообще, как правило, адъективны: все эти *Espanol, Italiano, Francais, Deutsch, American, Magyar, Suomalainen* — прилагательные, а значит, они типологически однородны с нашим самоназванием *русский, русские*, а не отличаются от него, и эту черту, кажется, тоже имеет смысл удерживать в памяти вместо того, чтобы соблазняться известным понаслышке.

Наше выступление прямо связано с национально-языковой атрибутикой, которой предстоит заняться. Специфика “русского” случая, к сожалению, не исчерпывается отмеченной простой ситуацией, но, напротив, предъясвляет нам свои сложности, суть которых — употребление синонимов. Другие примеры национально-языковой атрибутики в смысле синонимии, конечно, тоже известны, достаточно назвать *hrvatski ili srpski jezik, испанский или кастильский*, с их известной неустойчивостью. Русская специфика на этом фоне сохраняет свое своеобразие, со своими, подчас неправильно толкуемыми и понимаемыми, тенденциями.

Собственно говоря, вначале все было относительно просто. От главного этнонима *Русь, русь*, более глубокой этимологией которого мы занимаемся в других местах¹, очень рано было образовано этническое определение *русский, русьский* с неограниченным полем употребления. Это прежде всего обозначение страны — весьма устойчивое название *Русьская земля*, ср.: **Похвалимъ же и мы... великааго кагана нашеѣ землѣ Володимѣра, внука старааго Игоря, сына же славьнааго Сватослава, ... не в худѣ бо и невѣдомѣ земли владычествоваша, нѣ въ Русьцѣ, ꙗже вѣдома естъ вѣсьми чѣтырьми коньцы землѣ**². И так теоретически — с X века и более ранних веков, ср. **по всен земли Русьстѣи** (Церк. устав. Влад. 12. XIII—XV вв. Картотека Древнерусского словаря, далее — КДРС, из которой почерпнуты в большинстве своем наши сведения, особенно ценные для нас ввиду невключения этнонимов в существующие древнерусские словари). Примеры показывают универсальность употребления слова *русский* от св. кн. Владимира практически до Петра I: **руськіе товары, рускіе города, по орѣху рускому величиной, с верстѣ рускую, замок русский, желѣзный, в руских странах, русское двойное вино, рускіе люди, русской лес: сосна, ель, вереза, дуб, вяз, ясьень, рябина, липа, ивняг; князи рустни, рускіе серебряные деньги, мит-**

* Из кн.: В поисках единства. М., Наука, 2005.

рополитѣ рꙋсьскыи, кобылка рыжа рꙋская, рꙋсская телега, Рꙋсскїи Переяславль (не уточняя датировок, отмечу лишь, что большинство данных КДРС принадлежат к XII веку и другим поздним векам). С этими данными согласны и показания других источников, например, “Памятников южновеликорусского наречия (отказные книги)”, изданных С. И. Котковым и Н. С. Котковой (М., 1977. Passim): **рꙋскихъ воровъ, съ рꙋской стороны, на рꙋской сторонѣ**. Показательна возможность употребления русский на самом высоком политическом уровне: **Слово о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, князя рꙋскаго** (90-е гг. XIV в.)³. В духе упомянутой универсальности словоупотребления русский могло обозначать и то, что мы сейчас назвали бы церковнославянским переводом грамматики начала XVI в.⁴, и явно просторечный, живой “русской природной язык” протопопа Аввакума.

Все шло к тому, чтобы и последующим нашим векам передать это широкое и незамутненное словоупотребление русский наших более ранних столетий, ср.: М. Д. Чулков “Абевега русских суерий”, В. А. Левшин “Русские сказки” – из предпушкинской эпохи, склонности языка народного бытописания Г. Р. Державина, не говоря о языковых предпочтениях самого Пушкина, к чему обратимся специально позже.

Здесь время взглянуть на языковую сторону **вхождения Руси в Европу**, ее, так сказать, **европейской интеграции**, на терминологию этого феномена, который, при обнаруженном к нему интересе, не получил окончательной характеристики. Для прототипов европейского названия нашей страны вполне подходили уже известные *Русская земля*, Русь, активно, кстати, употреблявшиеся еще в первой нашей рукописной газете “Вести-куранты” (XVII в.). Ничто не мешало, например, тем же голландцам, перенявшим у нас приблизительно тогда же название забытой Богом *Новой земли* – *Nowaja Zembla*, перенять и наше главное самоназвание *Русская земля*. Правда, тогда предпочли, по-видимому, перевод, каковым и явилось немецкое *Rußland*, собственно, *Русская земля*, и его варианты. Но другой, древнейший вариант нашего самоназвания – *Русь* – очень рано получил в Центральной Европе удобное осмысление как плюраль *Russi, Ruzzi* (так у анонимного баварского географа IX в.), совершенно в духе распространенных тогда же и там же других этнических плюралей. Перспектива у этих этнических плюралей была одна – превращение в названия стран на *-ia* книжно-письменной, преимущественно латинской традиции средневековой Европы. Оттуда ведет свое начало название нашей страны в форме *Russia*, ограниченно проникшее и в нашу письменность: **гедюрю црю I великомꙋ кнзю Мнꙋханꙋ Фѣдоровичꙋ всеа Рꙋснн**... (1626)⁶. Можно сказать, что значительная часть европейских стран сохранила такую форму названия России с того времени: сюда относятся франц. (*la Russie*), англ. *Russia*. И наши южные братья-славяне зовут нас именем той же формы: сербохорв. *Rusija*, болг. *Rusija*. Последнее особенно любопытно, потому что как раз с Юга, из Византии, объясняют обычно принятую у нас форму на *-o-*: Россия из греч. Ῥωσσία (Этимологический словарь русского языка М. Фасмера). Ссылки при этом на канцелярию константинопольского патриарха понятны, по-гречески выглядит и ударение *Росси́я*; ср. “велика часть есть *асиу* / держава в ней и *Россиѡ*” (Букварь Карiona Истомина. 1694. КДРС). Уже чтение греч. ω двусмысленно: возможно *-o-*, возможно в позднее время и в диалектах *-и-*. Дальше весомость обретает европейский контекст, участие в котором Византии – после 1453 г. – все-таки минимально. Европейский контекст достаточно сложный. Начать с того, что необходимо рассматривать совокупность из трех форм: *Россия–российский–россияне*. Кроме нас, вся эта триада представлена у поляков: *Rosja–rosyjski–Rosjanie*. Уже стандартные украинские формы *Rosia–rosijskij–rosijani* едва ли имеют большую временную глубину и, возможно, навеяны польским. “Малоруско-нѣмецкїи словар” Е. Желеховского и С. Недѣльского (Львѣв, 1886) дает только *русский, руский* (значения опускаю), но не знает ни *російський*, ни *росіяни*. Остается добавить, что для белорусов мы по-прежнему *рускія* мн., *русские*, и это тоже архаизм.

Остальное – инновации, целая группа инноваций.

Заемствованный, в основном западный, характер названия *Россия* довольно очевиден, об этом говорит удвоение *-ss-* как позднелатинский способ нейтрализации озвончения интервокального *-s-* (исходная греческая запись от Ῥωσς обладает одинарной сигмой). Ударение “греческого” вида тоже не

очень показательно ввиду реальности старопольского *Rosyja*, типа *Azyja—Azja*, как о том говорит производное от него *rosyjski*. Так что все сводить к влиянию русской формы на польскую, как делает Фасмер, вряд ли убедительно. В названии *Россия* представлено искусственное образование (ср. Этимологический словарь польского языка А. Брюкнера), следы которого ведут на Запад. Любопытно, что думал на этот счет Даль (Толковый словарь живого великорусского языка): “Только Польша прозвала нас *Россией*, *россиянами*, *российскими*, по правописанию латинскому, а мы переняли это, перенесли в кириллицу свою и пишем *русский!*”.

КДРС не знает *россиян* раньше эпохи Петра, зато потом они встречаются у Ломоносова в рассуждении о “высоком штиле”⁷ и у Карамзина в сочинении “Из записок одного молодого *Россиянина*”⁸. Печать искусственности лежит и на этом образовании, несмотря на то, что модель на *-(j)aninъ* вполне славянская.

Обращаясь к слову *российский*, отметим его нехарактерность для живого среднего стиля. Ни в одном из известных мне четырех томов “Вестей-курантов” с 1600 по 1650 год *российский* не отмечено ни разу, безгранично господствует *русский*, идет ли речь о простых людях, боярах, послах, царевнах, гонцах, рубежах, подданных. Ср. то же по данным книги С. И. Коткова “Очерки по лексике южновеликорусской письменности XVI—XVIII вв.” (М., 1970. Passim). Искусственный атрибут *российский*, напротив, зарекомендовал себя сначала претензиями на высокое, “царское” словоупотребление, ср. адресат послания Иоанна Грозного “во все *Российское* царство” (1564)⁹, “Новая повесть о преславном *Российском* царстве” (1610—1611)¹⁰, “благолепие *российское*” (Сказание Авраамия Палицына. 1620. КДРС), “Царство *Россійския* державы” (Космография. 1620. КДРС), “*Росийское* государство” (Грамота Михаила Феодоровича. 1614. КДРС; Сочинение Г. К. Котошихина. 1667. КДРС). Вместо *Рускую* землю читаем “*Росискую* землю” (Волоколамский патерик 2. КДРС). Наблюдается распределение *князей росинских*, но *русских людей, в русских вестях*¹¹. Дело порой доходит, явно вторично, до смешения *грамоткү... росийским письмом и грамоткү русским же письмом* (Посольство Толочанова. Сер. XVII в. КДРС). Причем *российское* равно *русскому* и семантически, и функционально. Выученик Славяно-Греко-Латинской академии Ф. Поликарпов помещает в своем “Лексиконе” (1704) характерное: *Рускій, зри российскій*, последнее же находим у него как бы в дополнениях пропущенных слов. *Уставшася реченіа: руссийскій, ρωσσηος, rutenus*¹². Явная избыточность атрибута *российский* благоприятно сказалась на его карьере, в унисон патетическому сочинительству и сочинителям. Этой моде, удаляющейся от ровного стиля посольской канцелярии, воздали обильную дань на рубеже эпох многие, в их числе и Поликарпов, от дальнейших опытов которого разумный Петр ждал “не высоких слов славенских, но простого *русского* языка”. Известно, что И. А. Мусин-Пушкин так сформулировал Ф. Поликарпову критику царя: “Посольского приказу употреби слова”¹³. Но дело было сделано, и совершенно избыточное *российский* начало свой триумфальный ход уже не только в витиеватом высоком стиле, но буквально вытесняя атрибут *русский* в его фондовых значениях, и если Кантемир еще пишет о “сложении стихов *русских*”, а Сумароков — о “*русском* языке” и Тредиаковский — о “*простом русском* языке”, то Ломоносову этого явно недостаточно, он заявляет “о *правилах росийского* стихотворства”, пишет “*Росийскую* грамматику”, говорит о “*российском* языке”. Мода на все *российское* наступает в патетическом и героическом XVIII веке широким фронтом от комедии Ф. Жуковского “*Слава Росийская*” (еще при жизни Петра), “*Истории Росийской...*” В. Н. Татищева, “*Росийской* земли” в известной оде Ломоносова (1747) вплоть до *российских* матросов и *российских* кавалеров, героев популярных повестей. Сюда же, разумеется, относятся “*Древняя Росийская* вивлиофика” и “*Опыт исторического словаря о росийских писателях*” просветителя Н. И. Новикова, словоупотребление “*российский* гражданин” у Княжнина и такой венец искусственного словотворения, как название национальной героической поэмы М. М. Хераскова “*Россияда*”. Нельзя пройти мимо опытов трактовки также и всего древнерусского как *древнего росийского*, так что есть повод говорить не только и не столько об извитии словес и патетике, но и о своеобразной модернизации. Составители первого тома “*Истории русской литературы*” (Л., 1980) почему-то так и не заметили, что в этом вытеснении *русского рос-*

сийским, о чем в этой “Истории” вообще ни слова, обозначилась тенденция смены общественной парадигмы, как мы назвали бы это сейчас. О какой смене общественной парадигмы идет речь – это вопрос, уже выходящий за рамки моего нынешнего сообщения, но остается фактом эта тенденция, это мироощущение, пришедшее вместе с XVIII веком, когда ряду отечественных деятелей стало как бы тесно в *Русской земле*, их манил, как Карамзина, “священный союз всемирного дружества”, “всех братьев сочеловеков”¹⁴.

Опыты вытеснения *русского* *российским* того времени легли на почву, а точнее сказать, на арену обширной деятельности иллюминатов, просветителей, попросту говоря, масонов. У Екатерины II были, видимо, свои резоны увидеть в этой деятельности не одну лишь пользу. Важна ли была борьба синонимов *русский*–*российский* на общем, казалось, неизмеримо более значительном общественно-историческом фоне, и, короче, заметил ли кто-нибудь вообще ту игру синонимов, или все прошло мимо, так ничего и не заметив, как наши литературоведы, по XVIII веку? Нет, все оказалось гораздо тоньше и многозначительнее. По-настоящему великие деятели и художники доказывают это нам практикой своего творчества. Это и “народ *русский*” как субъект карамзинской “Истории государства *Российского*”, и его же “Письма *русского* путешественника”. Радищев, язык которого считают “темным”, в предельно ясной форме высказался о русском человеке как вершители Истории *Российской*¹⁵.

И, наконец, подлинное раскрытие всей искусственности эксперимента с *русским*–*российским* XVIII века смог дать нам, как мы того и ожидали, наш Пушкин. Мы смеем это утверждать, даже не имея возможности обратиться именно сейчас к картотеке Большого академического словаря в Петербурге, но располагая, к счастью, “Словарем языка Пушкина”, фиксирующим количество словоупотреблений. И вот результат: в языке Пушкина *российский* – прил. к *Россия*: *русский* – встретилось 53 раза, а *русский* как прилагательное и существительное в общей сложности – 572 раза, в десять раз больше! Пушкин, сам будучи сыном XVIII века, не обманулся поверхностной модой предшественников, кстати, им высоко чтимых, и показал, что он также и в этом разумный консерватор. *Россиянин* же у Пушкина отмечен только в десяти примерах.

Я резюмирую эту часть своих наблюдений над терминологическим феноменом вхождения нашей страны в Европу, считая долгом отметить, что, при всей искусственности терминов *Россия*, *российский*, наши далекие предшественники в общем правильно восприняли их как символ нашей европейской интеграции, иначе трудно было бы понять остальное, отмеченное выше. Но спрашивается, было ли это единственно возможным способом? То, что это не так, показывает опыт других стран, дальних и ближних. Германия, например, сохранила свое старинное и очень национальное самоназвание *Deutschland*, буквально *Народная земля*, латинское *Germania* немецкая культура применяет лишь в смысле “Германии” Тацита; Англия сама себя по-прежнему называет Английской землей, землей англов, *Eng(1)-land*, а не *Anglia* по-латински, то есть по принципу *Русская земля*, хотя названия стран и областей по латинской модели на *-ia* широко популярны в англоязычной культуре, ср. названия американских штатов *Pennsylvania*, *Georgia*, *Virginia*. Обратимся к славянским странам и с интересом отметим, что самая латинизированная из них, Польша, как раз продолжает именовать себя по принципу, оставленному нами, *Polska (scilicet ziemia)* – *Польская (земля)*! По такому же славянскому принципу называется соседняя Словакия – *Slovensko*. Нашу Россию там называют *Rusko*. Несмотря на мощное влияние западных соседей, Чехия так и не приняла латинское название *Bohaemia*. Хорватия, именуемая нами (и всей Европой) по образцу латинских названий стран на *-ia* (в частности, *Croatia*; точно так же мы “латинизируем” Чехия, Словакия, прежде – Чехословакия), упорно сохраняет славянский способ самообозначения *Hrvatska*. Аналогично, на *-ska*, оформлялось в старину и название Сербской земли и Болгарской, в новое время мы имеем там *Србија* и *България*, что напоминает нам известные центральноевропейские инновации на *-ia*, но пикантность вопроса в том, что на Югре нельзя исключать воздействия не только однотипных греческих образований на *-ia*, но и, скажем, турецкого самоназвания *Türkiye* – Турция (при всей возможной неясности отношений последнего к центральноевропейским названиям стран на *-ia*).

Чему еще может научить нас славянский и славистический опыт? Сербские образования *србијанац* – *серб из внешних, более отдаленных областей*,

сюда же *србијански, србљанин*, *lingua seruiana* – сербский язык (в письменности Дубровника XV–XVIII вв.), способны, наконец, подсказать нам правильное употребление нашего *россиянин*, история которого, разумеется, не кончилась полтора века назад. Хуже того, и *россиянин*, и *российский* сейчас, может быть, как никогда, употребляются крайне неточно. Небрежностью это можно назвать далеко не всегда и уж, конечно, не в тех случаях, когда оба слова – *россиянин* и *российский* – наделены отчетливой идеологической, политической установкой – вытеснить, заменить слово *русский*. Довольно длительное время вытеснению *русского*, как известно, служило и великолепно использовалось *советское*. Сейчас это прошло, но *русское* восстанавливается (если восстанавливается вообще!) с большими, искусственно создаваемыми трудностями, и на сей раз препоны *русскому* возрождению чинятся весьма искусно с помощью ставших модными *россиян* и всего *российского*, вплоть до отдельных ведомственных предписаний употреблять *российский* вместо *русский*. Если еще принять во внимание, что на всех углах нам твердят со всей мощью СМИ о вхождении в новую Европу, и мы имеем дело с очередной европейской интеграцией, то параллели из прошлого, рассмотренные выше, могут пригодиться. Не повторяя подробно то, что писал или говорил по этому поводу в других местах, все же укажу на концептуальность атрибута *русский*: *русский язык, русская литература, русская культура, русская языковая картина мира*, наконец, *русский языковой союз*, о котором я также писал, но здесь не могу отвлекаться. Всего этого с точностью не выразить словом *российский*, не вызвав непоправимой подмены понятий, не совершив грубой языковой ошибки. Между словами *российский* и *русский* отсутствует отношение взаимозаменяемости; *русский* этнично, а *российский*, благодаря своей прямой зависимости от *Россия*, имеет сейчас свой, только ему присущий, административно-территориальный статус. В отличие от *русского* *российский* и *россиянин* к тому же шире (может включать и *нерусского россиянина*), семантически расплывчатее (возможно, этим и привлекает мозги, работающие на европейскую интеграцию).

Какая бы то ни было интеграция, запрограммированная на дезинтеграцию (в нашем случае – России), вызывает у нас глубокие сомнения. Именно среди нынешних апологетов *российского* (за счет *русского*) приходилось встречать деятелей, способных (при обсуждении закона о языках сначала – РСФСР, потом – Российская Федерация) поступиться и государственным, и международным статусом *русского* языка во имя порой совершенно мифических суверенитетов. Наблюдаемая рецессивность словоупотребления *русский* в пользу *российского* является плодом подобного просвещения. Пример: высокий государственный деятель в стране, на протяжении нескольких лет так и не решившийся публично произнести слово *русский* (разве что за исключением одиозного упоминания про “русский бунт, бессмысленный и беспощадный”). Я готов, впрочем, допустить, что мы имеем дело в повседневной практике не с одними только проявлениями недоброй воли и тенденций растворить *русское* в “*российском*”. Не меньше случаев простого недопонимания, и именно с ними нужно работать и разъяснять. Я допускаю, например, что языковое (и прочее) различие между *русский* и *российский* часто просто не понимают на Западе, как не понимают его и наши расплодившиеся доморощенные переводчики с английского, когда переводят, например, *Российская Федерация* – *Russian Federation*, адекватно только – *Federation of Russia* (иначе получается – *Русская Федерация*).

Можно продолжить изучение оппозиции *русский–российский* (а мы здесь имеем перед собой в настоящее время оппозиционную пару терминов) и дальше в плане лингвистической теории и типологии, в плане языкового перевода, приравняв, например, более широкое *российский* к нем. *ungarländisch* (параллельного *rußländisch* как будто еще не существует), а более специальное *русский* – к нем. *ungarisch*, имея в виду то, вполне подходящее как параллель, обстоятельство, что и старое королевство Венгрию населяли не одни венгры, но и словаки, хорваты, валахи.

Позволительно взглянуть на оппозицию *русский–российский* как на оппозицию по семантической маркированности, когда один из терминов – маркированный (иначе – признаковый, интенсивный), а другой соответственно – немаркированный (неотмеченный, беспризнаковый, экстенсивный). Похоже, в нашем случае маркированным будет *русский*, более определенный, четкий

термин, а немаркированным – более расплывчатое, менее четкое *российский*. Наше наблюдение кажется нам небесполезным, тем более что один из исследователей проблемы маркированности отмечает, со своей стороны, что именно маркированность относится к числу наименее инвентаризированных формальных признаков языка. С автором (а это был датско-американский лингвист Х. Андерсен) нельзя не согласиться, потому что о нашей терминологической паре *русский–российский* он, например, даже и не думал, когда изрекал эти справедливые суждения: "...отношения маркированности присутствуют во всех случаях, где язык предоставляет своим носителям возможность выбора"¹⁶. А в нашем случае такой выбор, безусловно есть!

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Трубачев О. Н. Русь, Россия. Очерк этимологии названия// Русская словесность. 1994. № 3. С. 67–70 (с дальнейшей литературой).
- ² Иларион, митрополит Киевский. Слово о Законе и Благодати. (Сост. В. Я. Дерягин. Реконструкция древнерусского текста Л. П. Жуковской. М., 1994. С. 72.
- ³ История русской литературы. Л., 1980. Т. 1. С. 163.
- ⁴ Worth D. S. The origins of Russian grammar. Notes on the state of Russian philology before the advent of printed grammars. Columbus. Ohio, 1983. P. 76; Флинн Ф. П. Вехи и судьбы русского литературного языка. М., 1981. С. 109.
- ⁵ История русской литературы. Т. 1. С. 605, 644.
- ⁶ Вести-куранты. 1600–1639 гг. Изд. Н. И. Тарабасова, В. Г. Демьянов, А. И. Сумкина. Под ред. С. И. Коткова. М., 1972. С. 73–74.
- ⁷ История русской литературы. Т. 1. С. 536.
- ⁸ Там же. С. 748.
- ⁹ Там же. С. 282.
- ¹⁰ Там же. С. 300.
- ¹¹ Грамотки XVII – начала XVIII века. Изд. Н. И. Тарабасова, Н. П. Панкратова. Под ред. С. И. Коткова. М., 1969. Passim.
- ¹² Polikarpov P. Leksikon trejazycznyj. Dictionarium trilingue. Moskva. 1704. Nachdruck und Einleitung von H. Keipert, O. Sagner. Munchen. 1988 (= Specimina philologiae slavicae Hrsg. Von O. Horbatsch, G. Freidhof und P. Kosta. Bd. 79). S. 598, 798.
- ¹³ История русской литературы. Т. 1. С. 380.
- ¹⁴ Там же. С. 748.
- ¹⁵ Ср. цитату из "Путешествия..." Радищева: Моисеева Г. Н. Древнерусская литература в художественном сознании и исторической мысли России XVIII века. Л., 1980. С. 96.
- ¹⁶ Andersen H. Markedness Theory – the first 150 years – Markedness in Synchrony and Diachrony. Ed. By O. Mišeska Tomić. Mouton de Gruyter. Berlin; New York. 1989 (=Trends in Linguistics. Studies and Monographs 39. Ed. W. Winter). P. 41.